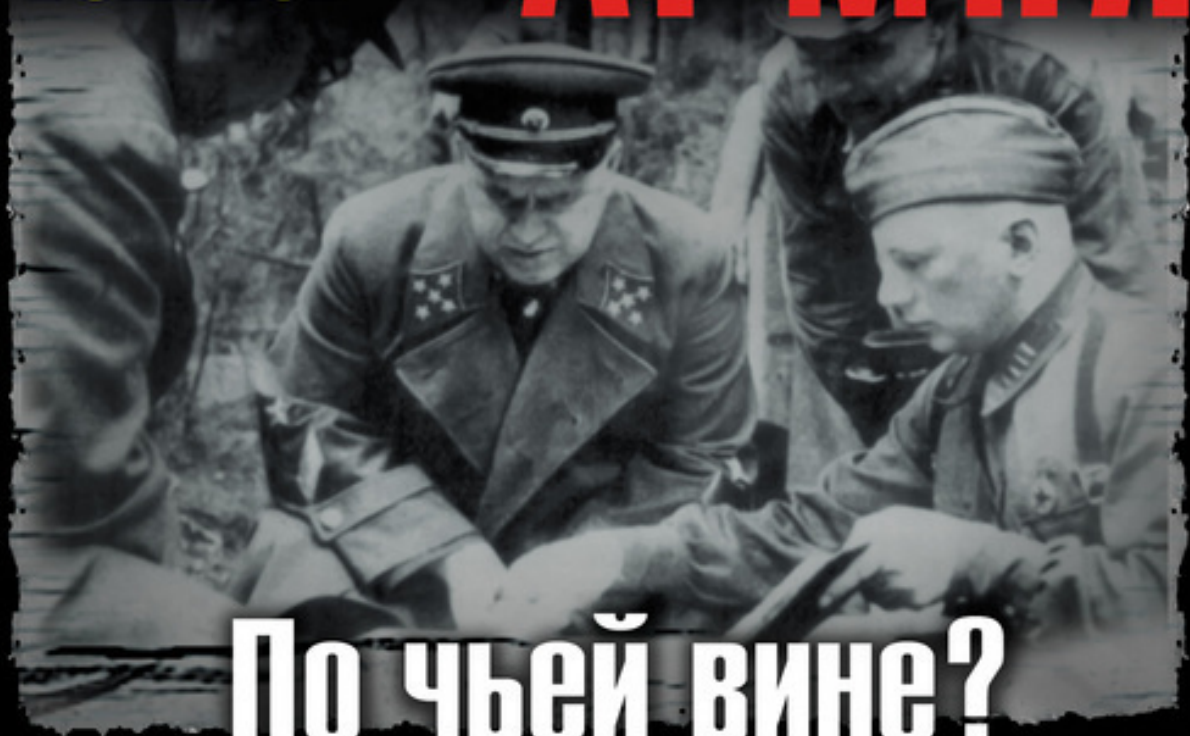

Великая Отечественная: Неизвестная война

«КРОВАВО- КРАСНАЯ» АРМИЯ

Владимир
Бешанов

По чьей вине?

Великая Отечественная: Неизвестная война

Владимир Бешанов

**«Кроваво-Красная»
Армия. По чьей вине?**

«Яуза»

2010

Бешанов В.

«Кроваво-Красная» Армия. По чьей вине? / В. Бешанов —
«Яуза», 2010 — (Великая Отечественная: Неизвестная война)

Почему летом 1941 года кадровая Красная Армия была разгромлена за считанные недели? По чьей вине не удалось одолеть врага «малой кровью, могучим ударом»? Отчего до самого конца войны наши потери многократно превышали немецкие и за каждый успех приходилось расплачиваться огромной кровью, так что Красную Армию прозвали «Кроваво-Красной»? Почему Победа была достигнута столь дорогой ценой? На все эти вопросы, самые сложные и болезненные в нашей истории, есть простой и ясный ответ, известный еще Сталину: «Кадры решают всё!» Данная книга неопровержимо доказывает: именно в кадровом вопросе, в низком уровне профессиональной подготовки советского генералитета и офицерского корпуса следует искать причины всех трагедий и катастроф Великой Отечественной. Потому что кадры и в самом деле решали всё!

© Бешанов В., 2010

© Яуза, 2010

Содержание

Вступление	5
Часть I Вожди	12
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Владимир Бешанов

«Кроваво-Красная» Армия. По чьей вине?

Вступление

«Злодейства крупные и серьезные нередко именуются блестящими и, в качестве таковых, заносятся на скрижали Истории».

М.Е. Салтыков-Щедрин

Вначале появился призрак – призрак Коммунизма. Первыми явление зафиксировали в 1848 году выдающиеся ученые-медиумы Карл Маркс и Фридрих Энгельс, вооруженные самой передовой и безошибочной собственного сочинения теорией. Призрак бродил по Европе, тряс позаимствованными у пролетариата цепями, уверял, что у рабочих нет отечества, предлагал им «соединяться», записываться в ряды могильщиков буржуазии и «разрушить все, что до сих пор охраняло и обеспечивало частную собственность». Пророчества коммунистического Духа два классика марксизма изложили в знаменитом «Манифесте».

Манифест, «с гениальной ясностью и яркостью» обрисовавший новое, коммунистическое «миросозерцание», призывал всех угнетенных к насильственному свержению существующего общественного и политического строя, установлению диктатуры пролетариата, уничтожению классов и частной собственности. Вслед за этим, по мысли авторов, раньше или позже, неизбежно должен был наступить Коммунизм – высшая и конечная стадия развития человеческого общества, рай на земле: фабрики – у рабочих, земля – у крестьян, женщины – в общем пользовании.

Международный пролетарский гимн – «Интернационал» – определял четкую программу действий и конечную цель коммунистического движения:

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем.

Правда, наряду с пассажами о «завоевании демократии» в Манифесте проскальзывали термины вроде: «экспроприация», «деспотическое вмешательство», «конфискация имущества» – конечно, исключительно в отношении «эксплуататоров», но также и «промышленные армии», в которые для удобства строительства нового мира предлагалось мобилизовать освобожденных пролетариев.

Делать революцию предпочтительнее в развитых промышленных странах, где пролетариат наиболее сконцентрирован и организован. Поэтому долгое время коммунисты всех мастей, в том числе и русские социал-демократы, пытались поднять рабочих на правое дело в какой-нибудь Германии или Швейцарии. Но самым слабым звеном «в империалистической цепи» оказалась Российская империя.

25 октября 1917 года власть в России захватили левые радикалы.

Они тут же окрестили государственный переворот, совершенный на германские деньги штыками «интернационалистов» и одуревших от безделья матросов, «пролетарской диктатурой», собственную власть – «властью рабочих и крестьян» и от имени последних принялись истреблять и тех и других, и всех несогласных.

Послеоктябрьская история первого в мире социалистического государства показывает, что вся политика строилась в соответствии с тремя пунктами «Интернационала»: разрушение, построение, назначение на должности.

Какое отношение к пролетариату имели никогда и нигде не работавшие литератор В.И. Ульянов (Ленин), кавказский абрек И.В. Джугашвили (Сталин), польский боевик Ф. Э. Дзержинский, журналист–космополит Л. Д. Бронштейн (Троцкий) или екатеринбургский мафиозо Я.М. Свердлов – сказать трудно.

Для чего они все это затеяли?

Чтобы наесться до отвала кетовой икры, о которой и через 20 лет с ностальгией вспоминал загнанный сталинскими волкодавами в мексиканское захолустье Троцкий: «...этой неизменной икрой окрашены не в моей только памяти первые годы революции»?

А что дальше?

Ограбить всех сограждан? Реставрировать феодализм в отдельно взятой стране? На горе всем буржуям раздуть мировой пожар? Да какая разница, главное – сама Власть. Ленин так и писал членам ЦК за сутки до переворота: «Взятие власти есть дело восстания; его политическая цель выяснится после взятия».

Деятель Великой французской революции Жорж Дантон объяснил доступно: «Революция – это просто перераспределение собственности». Проще говоря, основу мировоззрения любого революционера составляет шариковское «отобрать и поделить».

Действительно, на первом месте в ленинской программе действий стоял пункт об «экспроприации экспроприаторов». Это значит – всеобщий грабеж. В перспективе населению обещали светлое будущее, сортиры из золота и кухарок, которые будут управлять государством. А пока – «грабь награбленное», разрушай «мир насилия».

Самое простое дело – разрушать. Правоверные марксисты, защитники угнетенных и обездоленных, спасители Отечества, уверенно определяли, что именно нужно разрушить.

К «миру насилия» относились: монархия, государственный аппарат, духовенство, армия и флот, капиталисты, дворянство, купечество, произведения искусства, шедевры архитектуры, «плохие» книги, буржуазные писатели, поэты и философы, научные направления, крестьяне (богатеи и середняки, кулаки и подкулачники), интеллигенция и многое другое, что определяло устои государственности и составляло национальную гордость.

В итоге разрушать и уничтожать пришлось очень многое, ибо те, «кто был ничем, а стал всем», имели довольно специфичные взгляды при полном отсутствии таких «буржуазных» понятий, как совесть и мораль:

«Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем... Для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата».

Под шум всеобщего грабежа с помощью ЧК и «бьющей через край энергии масс» большевики довольно быстро установили в стране «высшую форму государственности» – Советскую власть.

Но что же взамен монархии или буржуазной республики могли предложить стране Ленин и К°?

В апреле 1918 года в статье «Очередные задачи Советской власти» Владимир Ильич обрисовал вкратце свою модель идеального общества:

«Первым шагом освобождения трудящихся... является конфискация помещичьих земель, введение рабочего контроля, национализация банков. Следующими шагами будут национализация фабрик и заводов, **принудительная организация** всего населения в потребительские общества, являющиеся в то же время обществами сбыта продуктов, государственная монополия торговли хлебом и другими необходимыми продуктами...

...от трудовой повинности в применении к богатым Советская власть должна будет перейти, а вернее, одновременно должна будет поставить задачу применения соответствующих принципов **к большинству трудящихся, рабочих и крестьян».**

Со времен хрущевских разоблачений культа личности нам внушали, что Ленин составил рецепты построения коммунизма, а Сталин их спрятал и ленинские идеи извратил. Клевета! Никто ничего не скрывал, наоборот, заставляли конспектировать на занятиях по истории Партии: принудительная организация, хлебная пайка и трудовая повинность – главные условия на пути к освобождению трудящихся от «капиталистической каторги».

Далее еще интереснее:

«Что же касается карательных мер за несоблюдение трудовой дисциплины, то они должны быть строже. Необходима кара вплоть до тюремного заключения. Увольнение с завода тоже может применяться, но характер его совершенно изменяется. При капиталистическом строе увольнение было нарушением гражданской сделки. Теперь же при нарушении трудовой дисциплины, особенно при введении трудовой повинности, совершается уже уголовное преступление (!), и за это должна быть наложена определенная кара». Виновных в нарушении дисциплины «надо уметь находить, отдавать под суд и карать беспощадно».

Вот оно, освобождение труда! Позднее Сталин, развивая положения «основоположника», пожизненно закрепил крестьянина за колхозом, рабочего за предприятием, а уж как он умел «находить» и «карать»!

Осуществлять пролетарскую диктатуру, принудительно организовывать должна, естественно, самая передовая партия во главе с «вождем мирового пролетариата». А как же! За это и боролись!

А нельзя ли поменьше диктатуры? Нельзя ни в коем случае:

«...беспрекословное подчинение единой воле, безусловно, необходимо.

И вся наша задача, задача партии коммунистов... встать во главе истомленной и устало ищущей выхода массы, повести ее по верному пути, по пути трудовой дисциплины, по пути согласования задач митингования об условиях работы и задач беспрекословного повиновения воле советского руководителя, диктатора во время работы...

...нужна железная рука...

Подчинение, и притом беспрекословное, единоличным распоряжениям советских руководителей, диктаторов, выборных или назначенных... снабженных диктаторскими полномочиями».

Вот и вся «диктатура пролетариата».

(Карл Фридрихович Маркс-унд-Энгельс, обличая капиталистическую эксплуатацию, писал: «Массы рабочих, скученные на фабрике, организованные по-солдатски, как рядовые промышленной армии, они становятся под надзор целой иерархии унтер-офицеров и офицеров. Они – рабы не только класса буржуазии, ежедневно и ежечасно их поработаживает машина, надсмотрщик и прежде всего сам отдельный буржуа-фабрикант».

Последнее, по мнению классиков, особенно обидно. Но стоит отдельного фабриканта поменять на отдельного пролетарского диктатора да назвать его народным комиссаром, и рабочие – уже не рабы, а самые свободные люди, и даже владельцы этой фабрики и этих машин.)

Куда же под столь чутким руководством должна была прийти «истомленная масса»? Какова конечная цель?

Вот и ответ:

«Если бы мы смогли через малое число времени осуществить государственный капитализм (?!), это было бы победой. Только государственный капитализм, только тщательная постановка дела учета и контроля, только строжайшая организация и трудовая дисциплина приведут нас к социализму. А без этого социализма нет...

Государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет».

Иными словами то же самое сформулировал писатель Владимир Солоухин (1924–1997): «Осуществить полный учет и контроль над каждым граммом и над каждой штукой чего бы то ни было произведенного в стране. Все, что бы ни производилось в стране, держать в своих руках, а потом распределять по своему усмотрению. Благодаря такому контролю и распределению, держать в подчинении и трудовой повинности всех без исключения живущих в стране людей, все поголовное население. Чтобы оно подчинялось единой воле как один человек. Вот это и есть социализм. То есть самая высшая и самая массовая форма рабства».

А по Ленину – первая фаза коммунистического общества. Орднунг. Да он и думал-то на немецком языке.

Ах да, еще «плюс электрификация всей страны».

Конечно, всякие «прихвостни и прихлебатели буржуазии», пугая народ, рисовали социализм как однообразную, монотонную, серую казарму. Но на то они и «лакеи денежного мешка» и «холопы эксплуататоров».

На деле же бояться народу нечего.

Во-первых, никаких тебе эксплуататоров, а только родные красные диктаторы, днем и ночью о народе болеющие.

Во-вторых, при социализме произойдет «великая смена труда подневольного трудом на себя, планомерно организованном в гигантском общегосударственном (в известной мере и в интернациональном, мировом) масштабе».

В-третьих, пролетарии, рационально и строго по-отечески управляемые диктаторами, смогут соревноваться в работе, «проявлять себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты».

В-четвертых, в нерабочее время все дружно будут ходить на субботники и митинги, где разрешается призывать братьев по классу трудиться еще лучше и млеть от слова «гегемон».

В-пятых, население «поголовно» будет управлять государством: «Целью нашей является бесплатное выполнение государственных обязанностей по отбытии 8-часового урока производительной работы». Например, отстоял токарь смену у станка, выдал план и – в министерство, управлять.

Наконец, где-то в далеком далеке коммунизм вступит в свою высшую фазу. Для этого нужно только освободить трудящихся всего мира и принудительно их организовать по марксистской схеме. После чего государство само собой отомрет, наступит полная свобода, всеобщее благоденствие и изобилие. Непонятно только, куда денется расплодившееся в планетарном масштабе племя красных диктаторов.

– Эх, Петька, знаешь, какая жизнь наступит? Помирать не надо!

Как ни странно, но очень и очень многих почему-то не вдохновили идеи строительства гигантской электрифицированной «зоны». Даже союзники в захвате власти – анархисты и бомбисты-эсеры – отшатнулись от большевиков и тут же были зачислены в «контру».

Не страшно. Ради мировой революции и счастья пролетариата Владимир Ильич готов был истребить 90 % населения России. Не зря им так восхищался Троцкий:

«У Ленина твердая рука. И вокруг него – крепкое ядро таких же, как он, решительных и непримиримых людей».

Правда, по признанию самих вождей, среди этих решительных людей было немало – 90 человек из каждых 100 – мерзавцев, жуликов, «бездарных и бессовестных комиссаров» и прочей «коммунистической сволочи», достойной быть повешенной «сугубо на вонючей

веревке». Но именно такие и требовались: «Партия не пансион благородных девиц, иной мерзавец потому-то и ценен, что он мерзавец».

Вроде харьковского чекиста Ивановича, в полной мере подчинившего нравственность интересам классовой борьбы: «Бывало раньше совесть во мне заговорит, да теперь прошло – научил товарищ стакан крови человеческой выпить: выпил – сердце каменным стало».

На досуге, напившись крови, «веселые чудовища» большевизма изливали душу в поэзии:

Нет большей радости, нет лучших музык,
Как хруст ломаемых жизней и костей.
Вот отчего, когда томятся наши взоры
И начинает страсть в груди вскипать,
Черкнуть мне хочется на вашем приговоре
Одно бестрепетное: «К стенке! Расстрелять!»

Вот почему история о городке под названием Чевенгур, поведанная писателем Андреем Платоновым (1899–1951), – вовсе не роман и не гипербола, а подлинная летопись установления «высшей формы государственности» в какой-нибудь Астрахани, Архангельске или Сызрани.

«Надо поскорее начинать социализм. – Горит энтузиазмом местный председатель ревкома. – В первую очередь необходимо ликвидировать плоть нетрудовых элементов...

У Чепурного после краткой жизни в Чевенгуре начало болеть сердце от присутствия в городе густой мелкой буржуазии. И тут он начал мучиться всем телом – для коммунизма почва в Чевенгуре оказалась слишком узка и засорена имуществом и имущими людьми; а надо было немедленно определить коммунизм на живую базу... Пробыв председателем ревкома месяца два, Чепурный замучился – буржуазия живет, коммунизма нет...

А потом Чепурный захотел отмучиться и вызвал председателя чрезвычайки Пиюсю. «Очистить мне город от гнетущего элемента!» – приказал Чепурный.

«Можно», – послушался Пиюся. Он собрался перебить в Чевенгуре всех жителей, с чем облегченно согласился Чепурный.

– Ты понимаешь – это будет добрей! – уговаривал он Пиюсю. – Иначе, брат, весь народ помрет на переходных ступенях. И потом, буржуи и теперь все равно не люди: я читал, что человек, как родился от обезьяны, так ее и убил. Вот ты и вспомни, раз есть пролетариат, то к чему ж буржуазия? Это прямо некрасиво!

(Запись из дневника Короленко от 29 марта 1918 года: «Разговор с заместителем начальника ЧК Украины о массовых безрассудных расстрелах: – Товарищ Короленко, но ведь это же на благо народа! – и пытливо смотрит на меня».)

Пиюся был знаком с буржуазией лично: он помнил чевенгурские улицы и ясно представлял себе наружность каждого домовладельца. Кроме того, Пиюся знал их способ жизни и пропитания и согласен был убить любого из них вручную, даже без применения оружия. Со дня своего назначения председателем чрезвычайки он не имел душевного покоя и все время раздражался: ведь ежедневно мелкая буржуазия ела советский хлеб, жила в его домах и находилась поперек революции тихой стервой.

(Достаточно почитать указания Ленина представителям Советской власти на местах и легко представить, как точно также Предсовнаркома маялся всем телом в Кремле от присутствия в стране буржуазии, как не давали ему покоя «неправедные тыщонки» в чужих кубышках, как убеждал он председателя чрезвычайки Дзержинского «немедленно определить коммунизм на живую базу»: расстреливать, расстреливать и расстреливать, «не допуская идиотской волокиты».

Чего стоит один только циркуляр о рассказывании:

«Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам...»

Или инструкции Е.Б. Бош – «активной участницы борьбы за советскую власть»:

«Повесить, непременно повесить, дабы народ видел, не менее 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц. Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал, знал...»)

Однако, после поголовного уничтожения «натуральной» буржуазии в городе еще осталось много всякого народу, почти все – не члены большевистской партиячейки. И коммунизм в Чевенгуре все не наступал.

«Я полагаю, – рассудочно округлял Прокофий, – одно: раз у Карла Маркса не сказано про остаточные классы, так их и быть не может. А они есть – выйди на улицу: либо вдова, либо приказчик, либо сокращенный начальник пролетариата. Как же быть, скажи, пожалуйста!

А я полагаю, поскольку их быть, по Карлу Марксу, не может, постольку же их быть и не должно.

А они живут и косвенно нас угнетают – как же так?..

Я исхожу так: необходимо остатки населения вывести из Чевенгура сколько возможно далеко, чтобы они заблудились...

Чепурный с затыжкой понюхал табаку и продолжительно ощущал его вкус.

Теперь ему стало хорошо: класс остаточной сволочи будет выведен за черту уезда, а в Чевенгуре наступит коммунизм, потому как нечему быть».

Так как «остаточная сволочь» далеко уйти не смогла и не захотела, ее пришлось расстрелять из пулеметов. Наконец, сбылась мечта предреволюции: «В городе осталось одиннадцать человек жителей... Солнце уже высоко взошло, и в Чевенгуре, должно быть, с утра наступил коммунизм».

Это и есть ленинская методика строительства коммунизма: стрелять и вешать, вешать и стрелять, до тех пор, пока «масса» не станет абсолютно покорной, управляемой, бесконечно влюбленной в родную Советскую власть и «самого человеческого человека».

Один из главных специалистов по «ликвидации плоти нетрудовых элементов», член коллегии ВЧК М.И. Лацис (Ян Судрабс) через газету «Красный террор» инструктировал коллег:

«Не ищите в деле обвинительных улик; восстал ли он против Советов с оружием или на словах. Первым делом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какого он образования и какова его профессия. Все эти вопросы и должны решить судьбу обвиняемого».

И сладострастно защелкали курками наганов товарищи Эйдуки, Орловы, Кедровы, Ивановичи, Шульманы, Саенки, Розы Шварц, Ревекки Майзель и прочие Бела Куны, готовые днем и ночью в революционно-кокаиновом угаре «дырявить затылки», «пускать в расход», «отправлять в штаб Духонина», «шлепать», «цокать», «разменивать», «запечатывать».

Поскольку против этих уголовников и маргиналов поднялась почти вся мыслящая и созидательная часть России, эту часть нации пришлось истребить. Первый пункт программы построения светлого будущего, как известно, был выполнен и перевыполнен. Это не требовало особых знаний, а лишь определенных качеств организаторов и исполнителей.

«Ну вот, – удовлетворенно вздохнул Вождь, – мы Россию завоевали, теперь надо научиться Россией управлять».

Строить «новый мир» оказалось гораздо труднее. Во-первых, выяснилось – «завоеватели» сами не знают, что, собственно говоря, надлежит строить. Во-вторых, не хватало рабочих рук, мирных дней, материалов и сырья, производственных площадей, знаний, опытных специалистов. При этом, в условиях непрерывного «обострения классовой борьбы», нужно было вести непрерывную борьбу с вредителями, шпионами, чуждыми элементами, лодырями, несунками, разрухой, вшами и т. д.

К тому же в предельно короткие сроки удалось разрушить действительно все «до основания», а коммунизм так и не наступил. Поэтому создавать заново потребовалось очень многое, и это должен был делать «новый» человек, которого тоже еще предстояло «произвести». Старые специалисты, интеллигенция – «говно», по ленинскому определению, – для построения светлого будущего не годились.

Впрочем, и сам Ленин для этого был мало пригоден, потому почти сразу по окончании польской кампании, похоронившей надежды на революцию в Европе, затосковал и умер.

Все, что он умел, это «с самой бешеной и беспощадной энергией» разрушать, давить, экспроприировать. Все, что его действительно увлекало до последних дней, это повышение «массовидности» и принципиальное оправдание террора. Никакой созидательной деятельностью, даже в минимальном объеме, Ленин никогда в жизни не занимался. Он не посадил дерево, не построил дома, не вырастил ребенка. От него осталось только «дело» и тело. И на краю могилы он продолжал потрясать крепким кулачком: «Мы еще вернемся к террору!»

Спи, Ильич ты мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо светит месяц ясный
В мавзолей твою...

Знамя борьбы за всеобщее счастье подхватили верные ленинцы.

Часть I Вожди

«А некоторые люди утверждают, что все-таки в той большой войне мы одержали победу главным образом потому, что нами руководил именно Сталин, а если бы не Сталин, то неизвестно, смогли бы мы справиться с врагом и победить его... Независимо ни от чего не смогу согласиться с таким истолкованием событий потому, что это – рабская точка зрения. Только рабам, которые не могут подняться с колен и взглянуть дальше головы господина, обязательно нужен кто-то, кто думал бы за них, все организовывал за них, на кого можно свалить в случае несчастья вину и кому можно приписать при удаче успехи. Это рабская психология».

И.С. Хрущев

Кто же определял государственную политику в Стране Советов?

Все важнейшие государственные и военные посты, разумеется, заняли активные участники Октябрьского переворота и Гражданской войны. Профессиональная пригодность во внимание не принималась. Пункт «кто был ничем, тот станет всем» был выполнен буквально.

1 ноября 1917 года Россия узнала фамилии своих новых правителей – народных комиссаров Рабочего и Крестьянского правительства.

Председателем Совнаркома стал «вождь мирового пролетариата» В.И. Ульянов-Ленин (1870–1924), в графе профессии писавший «литератор».

Народным комиссаром по внутренним делам – А.И. Рыков (1881–1938). После окончания гимназии Алексей Иванович поступил на юридический факультет Казанского университета, но, по его же воспоминаниям, «не успел я сесть на студенческую скамью, как попал в каталажку». Потом последовали партийное подполье, новые аресты, тюрьмы, ссылки, побег.

Само собой, проведя почти шесть лет в каталажке, плюс к ним три года в северных краях, «внутренние дела» Рыков изучил только изнутри и ничего в полицейской работе, как и в любой другой, не смыслил: «Дожил я до 30 лет и не знаю, как выправлять себе паспорт. Понятия не имею, что такое снять где-то постоянную квартиру».

Нарком земледелия В.П. Милютин (1884–1937) был сыном сельского учителя. В партию большевиков вступил в шестнадцать лет. Дважды пытался получить высшее образование, но уж очень отвлекала революционная деятельность – восемь арестов. Между делом сочинил две марксистские брошюры о сельском хозяйстве, потому считался в нем крупным специалистом.

Нарком труда А.Г. Шляпников (1885–1937) был в Совнаркоме единственным «рабочим», поскольку в молодости, до эмиграции, успел постоять у станка и даже «мечтал стать токарем по металлу». Однако бузить оказалось гораздо интереснее. Довольно рано прорезалось умение мобилизовать массы: «Работая на Семянниковском заводе, я принял активное, по своему возрасту, участие в стачке, группируя мальчиков всех мастерских, корабельных, столярных, для выгона тех рабочих, которые не хотели участвовать в стачке. Мы набирали в карманы гайки, обрезки и всякого рода куски железа; не подчинившихся общему решению о стачке осыпали градом железных осколков, гаек, болтов и этим заставляли их примкнуть к общему движению». Образование имел «низшее».

Комитет по военным и морским делам возглавили изгнанный из армии офицер, редактор солдатских газет В.А. Антонов-Овсеенко (1883–1939), прапорщик Н.В. Крыленко (1885–1938), матрос П.Е. Дыбенко (1889–1938).

Торговлю и промышленность доверили сыну приказчика В.П. Ногину (1878–1924). По окончании городского училища он некоторое время служил конторским мальчиком, затем

работал подмастерьем в красильне, посещал марксистские кружки, являлся агентом «Искры». С двадцати лет

Виктор Павлович скитался по тюрьмам и эмиграциям: «Как-то вспоминая прошлое, он подсчитал количество тюрем, известных ему по сидению в них. Таких тюрем он насчитал 50». Усиленные занятия самообразованием в местах отсидки позволили ему «самоучкой выйти на литературную дорогу», а заодно освоить все тонкости руководства промышленностью и торговлей.

Народный комиссар просвещения А.В. Луначарский (1875–1933) родился в семье полтавского чиновника. В молодости Анатолий Васильевич около года провел в Цюрихе, сочетая посещения лекций в университете и партийных сборищ. Затем были восемь месяцев в Таганской тюрьме, трехлетняя ссылка, эмиграция, революционная журналистика, шарахания от марксизма к богоискательству, от большевиков к меньшевикам и обратно. Соратники считали его человеком весьма просвещенным. Луначарский представлял собой тип самовлюбленного болтуна, умеющего произносить бесконечные пустопорожние речи по любому поводу и на любую тему, но органически неприспособленного к какой-либо организованной деятельности.

Нарком юстиции Г.И. Оппоков-Ломов (1888–1938), сын банковского служащего, один год проучился на юридическом факультете Петербургского университета, да бросил – закрутила революция.

Вечному партийному журналисту, переводчику «Капитала» и других марксовых произведений И.И. Скворцову-Степанову (1870–1928) поручили руководить финансовым ведомством.

Наркомат продовольствия возглавил сын польского дворянина, окончивший Московский университет, И.А. Теодорович (1875–1937). Он из той же когорты партийных теоретиков и журналистов.

Комиссаром по иностранным делам стал окончивший реальное училище Л.Д. Бронштейн-Троцкий (1879–1940), партийный теоретик, публицист и оратор, активный участник революции 1905–1907 годов, председатель Петроградского Совета, один из главных организаторов Октябрьского переворота.

Народный комиссар почт и телеграфов Н.П. Авилов-Глебов (1887–1942), сын калужского сапожника, «партийный профессионал» с 19 лет, окончил партийную школу в Болонье. И у него за плечами аресты, ссылки, эмиграция, тюремные университеты. Меньше всего в жизни он интересовался телеграфами.

Портфель председателя по делам национальностей вручили еще одному сыну сапожника, недоучившемуся семинаристу, для пополнения большевистской кассы организовавшему ограбление Тифлисского банка, автору героических стихов и работы «Марксизм и национальный вопрос», чудесному, но малоизвестному тогда в партии грузину И.В. Джугашвили-Сталину (1877–1953).

В общем, все как один члены «рабоче-крестьянского» правительства были профессиональными революционерами, то бишь «литераторами». Других профессиональных навыков ни у кого из них не было.

При назначении на высшие государственные должности большое значение имели партийный стаж, факты преследований и репрессий со стороны «кровавого царского режима» за революционную деятельность. В свое время были исключены из учебных заведений такие «видные большевики», как В.И. Ленин, И.В. Сталин, В.В. Куйбышев, В.М. Молотов, М.В. Фрунзе, А.С. Бубнов, Н.И. Бухарин, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, А.И. Криницкий, А.И. Рыков, А.И. Стецкий, С.И. Сырцов.

Большинство, кроме того, подвергались арестам, сидели в тюрьмах, находились в ссылках. Количество высылков и отсидок являлось предметом особой гордости и явным показателем заслуг.

Один из своеобразных рекорсменов, Яков Давидович Драбкин (1874–1933), более известный под партийным псевдонимом Сергей Иванович Гусев, без сомнений, являлся одним из активнейших революционеров. В его анкете, в частности, указано:

«Участвовал в экономических стачках 53 раза, политических стачках 20 раз, всего 73 раза; в уличных политических демонстрациях – 5 раз, студенческих движениях – 1 раз, подпольных кружках – 19 раз, нелегальных массовых митингах – 75 раз, маевках – 6 раз, вооруженных восстаниях и партизанских выступлениях – 4, партконференциях – 2, партийных съездах – 4 раза. В тюрьме пробыл 2 года 1 месяц, административной ссылке – 6 лет 3 месяца, в политической эмиграции – 1 год 6 месяцев». С каким тщанием все подсчитано!

Первый нарком юстиции Г.И. Ломов писал:

«Наше положение было трудным до чрезвычайности. Среди нас было много прекраснейших, высококвалифицированных работников, было много преданнейших революционеров, исколесивших Россию по всем направлениям, в кандалах прошедших от Петербурга, Варшавы, Москвы весь крестный путь до Якутии, Верхоянска, но всем надо было учиться управлять государством.

Каждый из нас мог перечислить чуть ли не все тюрьмы России с подробным описанием режима, который в них существует. Мы знали, где бьют, как бьют, где и как сажают в карцер, но мы не умели управлять государством и не были знакомы ни с банковской техникой, ни с работой министерств».

Поначалу могло утешить то обстоятельство, что первое самопровозглашенное Рабоче-Крестьянское правительство звалось еще и Временным. Но недолго, лишь до расстрела мирных демонстраций и разгона Учредительного собрания 5 января 1918 года.

По воспоминаниям старого партийца А.В. Шотмана (1880–1939), он отговаривал Ленина брать власть, поскольку не видел среди большевиков людей, способных управлять государством.

«Пустьки! – сказал Ильич. – Любой рабочий министерством овладеет в несколько дней, никакого особого умения тут не требуется, а техники работы и знать не нужно, так как это дело чиновников, которых мы заставим работать также, как они теперь заставляют работать рабочих-специалистов».

И назначил Шотмана заместителем наркома.

С тех пор и повелось в Стране Советов: не место красит наркома, а нарком место. Правовверный большевик, облеченный доверием партии, может руководить чем угодно, «никакого особого умения тут не требуется».

Разве могли быть плохими министрами путей сообщения такие заслуженные борцы за пролетарское дело, как крестный отец всех чекистов Ф.Э. Дзержинский или сапожник Л.М. Каганович? А если кто-нибудь сомневался в правильности предначертаний и вредительски срывал планы, тех Феликс Эдмундович расстреливал сразу, а Лазарь Моисеевич (кроме того, последовательно нарком тяжелой, топливной и нефтяной промышленности) объявлял врагами народа и отдавал в руки наследников Железного Феликса, то есть тоже расстреливал, но опосредованно.

Не был исключением в списке «старых большевиков» по вехам пройденного пути В.А. Антонов-Овсеенко, увлекшийся с семнадцати лет идеями пролетарской революции. Окончив кадетский корпус, он поступил в Николаевское военное училище. Однако, пройдя «курс молодого бойца», присягу на верность принимать отказался, мотивируя «органическим отвращением к военщине». За это Вове, потрясенному «оскорбительной обстановкой» казармы, ввели десять суток гауптвахты, а потом вернули отцу. Повкальвав чернорабочим и кучером, через год Антонов поступил в юнкерское училище, где с энтузиазмом занимался антиправительственной агитацией и в конце концов был схвачен с подрывной литературой. Самое заме-

чательное в этой истории – финал: выпущен офицером. Прослужил всего полгода, перешел на нелегальное положение.

Дальнейшие строки биографии содержат общие для людей его положения понятия: кружок, военный комитет, агитация, нелегальная работа, аресты, тюрьмы, эмиграция и тому подобное. Отсутствует лишь все, что относится к созидательной деятельности. Но человек, приговоренный царским судом к смертной казни, замененной двадцатилетней каторгой, не мог быть неспособным занимать самые высокие посты в стране: командующий войсками Петроградского военного округа, войсками Украины и начальник Политуправления РВСР (полководец), полпред и генеральный консул (дипломат!), нарком юстиции РСФСР (и правовед).

Одна из виднейших фигур в партии – М.К. Муранов (1873–1959) – нигде и никогда не учился, в графе «образование» писал «самоучка». Зато он был наделен правом распоряжаться судьбами и жизнями людей. Его должность – член Верховного суда СССР – требовала только одного – быть беспощадным «к врагам революции».

Высокие государственные и военные посты занимал Н.И. Муралов (1886–1938). 23 ноября 1917 года он, рядовой солдат автороты, стал командующим войсками Московского военного округа, позже являлся членом Реввоенсовета армий, Реввоенсовета СССР, членом президиума Госплана РСФСР и так далее. Основная его специальность – агроном, которую он приобрел в сельскохозяйственной школе.

Активный участник революционного движения в России В.В. Куйбышев (1888–1935) считался одним из наиболее подготовленных к занятию самых высоких государственных постов. Образование получил в кадетском корпусе, несколько месяцев учился на первом курсе Военно-медицинской академии, несколько недель – на юридическом факультете.

Поэтому: «Валерий Владимирович был одним из образованнейших людей своего времени. Его экономические труды и поныне представляют немалую ценность. Был он и способным литератором. Разбирался в технике, медицине, естествознании. Работал председателем Госплана, заместителем председателя Совнаркома СССР».

Авантюрист-бомбист Л.Б. Красин (четыре года ссылки, полтора года отсидок не помешали «гонимому судьбой российскому студенту» за тринадцать лет подпольной деятельности закончить образование, получить диплом инженера и высокооплачиваемую работу по специальности – все в условиях «бесчеловечного» царского режима) за неполные шесть лет успел повозглавлять Наркоматы торговли и промышленности, путей сообщения, внешней торговли, одновременно являясь полпредом в Англии и Франции. Красин – это голова.

Типична биография теоретика, организатора и практика красного террора М.И. Лациса. Старый большевик, вел нелегальную и легальную партийную работу, имел арест и находился в царской ссылке. Недостаток образования не являлся препятствием для занятия высоких партийно-государственных постов. По Лацису, в принципе те, кто «умеет грамоте», «нашими» быть не могли. В дальнейшем пламенный чекист своих взглядов не менял:

«Юнкера, офицеры старого времени, учителя, студенчество и **вся учащаяся молодежь** – ведь это все в своем громадном большинстве мелкобуржуазный элемент, а они-то и составляли боевые соединения наших противников, из нее-то и состояли белогвардейские полки».

В 1932 году отставного палача, имевшего диплом народного учителя, назначили директором Института народного хозяйства имени Г.В. Плеханова.

Освоился, вошел во вкус руководства людьми и скромняга Ломов (он же Оппоков). Превзойдя тонкости юстиции, перешел на хозяйственную работу и возглавил Госплан. Только Скворцов-Степанов, пожалуй, единственный, отказался заниматься не своим делом, сославшись на некомпетентность в финансовых делах.

В нормальном государстве вне закона
Находятся два класса:

Уголовный
И правящий.
Во время революций
Они меняются местами, —
В чем по существу нет разницы.

Впрочем, ничем они управлять не собирались, ничего строить не планировали, тем более ничему не желали учиться. После завоевания России другая заветная цель жгла душу – освободить от гнета капитала остальную пролетариат. Главнейшей из всех программ была ленинская «Военная программа пролетарской революции»: захватив власть в одной стране, необходимо, всемерно вооружившись, выступить против других государств. Ибо «невозможно свободное объединение наций в социализме без более или менее долгой, упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами».

Что Россия! Россия – лишь плацдарм для завоевания мира или хотя бы Евразийского континента. Как и положено «несравненному гению», Ильич мыслил масштабно: «На Россию мне наплевать. Я большевик». Очень хотелось на штыках принести счастье всему трудящемуся человечеству, землю в Гренаде крестьянам отдать, вымыть калоши в Индийском океане.

Таким образом, с самого начала большевики объявили войну всему миру «разнузданного империализма». И в первые годы существования Советской власти главной ее целью являлось продвижение революции на Запад, Юг и Восток, создание Всемирной Республики Советов. Все богатства ограбленной дочиста страны были брошены на раздувание хаоса в разоренной войной Европе. Потоки золота и оружия шли через большевистских эмиссаров в Германию, Венгрию, Австрию, Финляндию, Швецию.

1 октября 1918 года Ленин потребовал от Троцкого и Свердлова создать к весне армию в 3 миллиона человек для «помощи международной рабочей революции». А потому – выгresti у русских крестьян вдсятеро больше хлеба, «запасы все очистить и для нас и для немецких рабочих» (заметим, до этого полгода гребли хлеб для себя и для кайзера), в десять раз увеличить призыв, не жалеть денег: «Не экономьте. Тратьте миллионы, много миллионов».

В марте 1919 года по инициативе Вождя был создан Коминтерн – штаб мировой революции, подрывная организация с практически неограниченными финансовыми ресурсами. Послевоенные лишения, патогенность бациллы большевизма, распространяемой в благоприятной среде, оружие и без счета выделяемые деньги делали свое дело. Весной 1919 года возникли Венгерская и Баварская Советские республики. Вот он, «мировой пожар», ликовали в Кремле. Ведь именно Германия с ее могучей промышленностью и организованным пролетариатом считалась наиболее «подходящей» страной для марксистских экспериментов.

«Советская Германия, – мечтал Троцкий, – объединенная с Советской Россией, оказалась бы сразу сильнее всех капиталистических государств, вместе взятых!»

Председатель Исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьев (1883–1936) печатно объявил, что буквально через год вся Европа будет коммунистической:

«Борьба за коммунизм перенесется уже в Америку, а может быть, и в Азию, и в другие части света» (из многочисленных высказываний ясно видно, в чем заключался процесс «строительства коммунизма»: а где у власти большевики – там и коммунизм. Чем не Чевенгур?).

Красная Армия, едва установив советскую власть на Украине, сделала первую попытку прорваться в Европу через Галицию и Бессарабию, однако сначала была задержана поляками и григорьевским мятежом, а затем разбита войсками А.И. Деникина (1872–1947). Не дождавшись помощи, Баварская и Венгерская республики пали под ударами «реакции». Несостоявшийся вождь красных мадьяр Бела Кун (1886–1939) всплыл в Москве и прославился впоследствии дикими крымскими расправами над русскими офицерами и «враждебным населением».

Рассаженных по тюрьмам наркомов Советской Венгрии обменивали на пленных венгерских офицеров.

«Военная программа» дала первый сбой. В самой России в полную силу разгоралась Гражданская война, народ уже вдосталь нахлебался «пролетарской диктатуры». Ильичу со товарищи пришлось на время отложить глобальные планы и заняться работой по «очистке земли российской от всяких вредных насекомых». Европа в это время вырабатывала иммунитет и отгораживалась от зараженной Совдепии санитарным кордоном национальных государств, возникших по Версальскому договору.

Летом 1920 года была сделана новая попытка донести до немцев, французов и англичан «красную правду большевиков» – через «труп белой Польши». Войну с пресловутыми «белополяками» объявили «самой справедливой, какую когда-либо знала история».

В июле войска Западного фронта вышли к Висле и обошли Варшаву с севера. В обозе ехало будущее правительство «социалистической Польши»: Ю.Мархлевский(1866–1925), Ф. Дзержинский (1877–1926), Ф. Кон (1864–1941), Э. Прухняк (1888–1937), И. Уншлихт (1879–1938). Московские типографии в срочном порядке тиражировали их портреты с биографиями на польском языке. Вопрос советизации Польши казался Ленину уже решенным и не самым существенным. В эти дни он телеграфировал Сталину:

«Зиновьев, Каменев, а также и я думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а также Чехию и Румынию».

С каждой новой верстой, оказавшейся под красным сапогом, аппетиты росли тысячекратно, захватывающие дух перспективы ударяли в голову. Второй конгресс Коминтерна так сформулировал программу-минимум:

«Красная Армия, главное оружие рабочего класса, должна быть подготовлена так, чтобы выполнить свою наступательную миссию на любом участке фронта. **Границы же этого фронта в ближайшую очередь определяются пределами всего материка Старого Света».**

Однако и этот поход с треском провалился.

Во-первых, из-за самонадеянности командующего фронтом М.Н. Тухачевского (1893–1937), полагавшего, что на войне «революционная смелость и энергия доминируют над всем остальным».

Во-вторых, Европа не стала безучастно ждать, когда ее осчастливят, и, «мобилизовав все черные силы», оказала польскому политическому лидеру Ю. Пилсудскому (1867–1935) всю возможную материальную и военную помощь.

В третьих, польский «пролетарий» братьев по классу не признал. «Ревкомы приволжских и донских дивизий прокламировали советскую власть по-русски и на жаргоне. Для большинства поляков вопрос выглядел просто: сначала Польша, а потом посмотрим какая», – вспоминает участник событий.

14 августа поляки внезапно (кто бы ожидал!) начали контрнаступление, приведшее к сокрушительному поражению всего Западного фронта. Тем из освободителей, кто не попал в плен, пришлось пробежать 800 километров, до самого Минска. Конный корпус Г. Гая (1887–1937), прорвавшийся в Германию, там же и разоружился.

Пришлось московским советизаторам умыться, подписать с поляками мирный договор, объявить себя победителями и выплатить «побежденной» Польше 5 миллионов золотых рублей контрибуции.

Тем более что в это время из Крыма на последний бой вышла Белая гвардия «черного барона» Врангеля, полыхнули восстания в Кронштадте, главной базе Балтийского флота, и на Тамбовщине.

«Известия» восставшего Кронштадта в марте 1921 года указывали, что власть захватили авантюристы, готовые ради абстрактных идей угробить страну со всем населением:

«На горьком опыте трехлетнего властвования коммунистов мы убедились, к чему приводит партийная диктатура. Немедленно на сцену выползает ряд партийных генералов, уверенных в своей непогрешимости и не брезгующих никакими средствами для проведения в жизнь своей программы, как бы ни расходилась она с интересами трудовых масс. За этими генералами неизбежно тащится свора примыкающих прихвостней, не имеющих ничего общего не только с народом, но и с самой партией. Создается класс паразитов, живущих за счет масс, озбоченных собственным благополучием, или тех, кто обеспечивает ему обеспеченную жизнь.

И какая бы партия ни стояла у власти, она не избежит роли диктатора, так как, какой бы крайне социалистической она ни явилась, у них будут программные и тактические пункты, выработанные не жизнью, а созданные в стенах кабинетов».

Но ни «контрреволюционные мятежи», ни разразившийся в России смертный голод на «программные пункты» ленинцев никак не повлияли. Матросов и крестьян показательно жестоко привели к покорности при помощи артиллерийских орудий, пулеметов, аэропланов, ядовитых газов и концлагерей.

А голод вообще оказался очень кстати. Под предлогом борьбы с ним удалось «с беспощадной решительностью» провести акцию по изъятию церковных ценностей, заодно перестреляв изрядное число «представителей черносотенного духовенства». Гигантские богатства монастырей и лавр, оценивавшиеся в несколько сотен миллионов рублей, давно грезились Ильичу. Ленин был в восторге от «комбинации»: «Прекрасная вещь революционное насилие и диктатура, если они применяются когда следует и против кого следует».

Правда, ни крошки хлеба, ни грамма муки на эти деньги не приобрели. Закупили у буржуев 60 тысяч комплектов кожаного обмундирования для доблестных чекистов, снабжали оружием и золотыми слитками турков-кемалистов, оплатили установку памятника Марксу в центре Лондона, усиленно размышляли над вопросами помощи золотом и винтовками Индии.

В 1922 году в стране царил еще более страшный голод и эпидемия холеры. В сводках ОГПУ сообщалось: по Самарской губернии «...наблюдается голодание, таскают с кладбища трупы для еды. Наблюдается, детей не носят на кладбище, оставляя для питания...»; по Тюменской губернии «в Ишимском уезде из 500 000 жителей голодают 265 тысяч... Случаи голодной смерти учащаются...»

Ленин, которого уже начали мучить «кондрашки», в это время голоданием лечился, заявляя докторам, «что никогда больше есть икру не будет». Бюджет Коминтерна в 1922 году составил свыше трех миллионов рублей. Циничный краснобай Николай Бухарин (1888–1938) позже вспоминал с удовольствием: «... мы ободрали церковь как липку, и на ее «святые ценности» ведем свою мировую пропаганду, не дав из них ни шиша голодающим».

В 1923 году советское руководство выделило 300 миллионов золотых рублей на осуществление «германского Октября». Чемоданы с валютой и «бриллиантами для диктатуры пролетариата» ушли в сотрясаемую кризисом Веймарскую республику (инфляция в ограбленной победителями стране достигла такой высоты, что для покупки буханки хлеба требовалась тачка немецких марок). На нелегальную работу в Западную Европу выехали Г.Л. Пятаков, К.Б. Радек, В.В. Шмидт и другие видные деятели партии, слушатели Военной академии РККА, чекисты. Они формировали «красные сотни», писали инструкции для «всегерманской ЧК», раздавали оружие и деньги коммунистам, фашистам, анархистам, национал-социалистам.

Это сегодня «фашист» и «нацист» – слова ругательные, а в те поры Ленину весьма импонировали энергия и боевой задор социалиста Бенито Муссолини (1883–1945), а Н.И. Бухарин между фашистами и большевиками особой разницы не видел. Фашизм, по мнению «ценнейшего и крупнейшего теоретика» партии, «это полное применение большевистской практики и специально русского большевизма: в смысле быстрого собирания сил, энергичного действия

очень крепко сколоченной военной организации... и беспощадного уничтожения противника, когда это нужно и когда это вызывается обстоятельствами».

В смысле – банды одного пошиба. Что ж, ему, теоретику, виднее.

Средства тратились щедро и бесконтрольно, разворовывались миллионами. Апофеозом бурной подрывной деятельности должны были стать восстание в Берлине 7 ноября 1923 года, в день шестой годовщины Октября, и «прямая помощь пролетарской диктатуры» германской и итальянской революциям. По приказу Троцкого к западным границам СССР начали выдвигаться конные корпуса.

Правда, прагматичный Сталин относился к проекту со скепсисом: «Если сейчас власть в Германии, так сказать, упадет, а коммунисты ее подхватят, они провалятся с треском. Это «в лучшем случае». А в худшем случае – их разобьют вдребезги и отбросят назад».

Зато был в полном восторге глава Коминтерна Г.Е. Зиновьев: «Кризис в Германии нарастает очень быстро. Начинается новая глава германской революции. Перед нами это скоро поставит грандиозные задачи... Я убежден, что скоро нам придется принимать решения всемирно-историческо-го характера».

Ан не обломилось и на этот раз. Рабочий класс Германии отчего-то не поддержал коммунистов, сколько-нибудь масштабных боев не получилось. Правительственные войска под руководством получившего диктаторские полномочия генерала фон Секта быстро разогнали «рабочие правительства» Саксонии и Тюрингии, «потопили в крови» вооруженное выступление красноармейцев Тельмана в Гамбурге и «пивной путч» нацистов Адольфа Гитлера в Мюнхене. Очередная авантюра провалилась. Как и вооруженное восстание «пролетариев» в Болгарии. И как предпринятая в ноябре 1924 года попытка государственного переворота в Эстонии, которая должна была закончиться провозглашением «революционного правительства» и приглашением регулярных частей Красной Армии.

Европа устояла перед нашествием. Эту крепость большевикам взять не удалось. Пришлось взять мирную передышку. Осенью 1923 года началось глобальное, почти десятикратное, сокращение Красной Армии, перевод ее на милиционно – территориальный принцип.

Ленин, «горный орел нашей партии», к этому времени вел растительное существование и 21 января 1924 года преставился. Зарыть его в землю, по мнению Зиновьева, «было бы слишком уж непереносимо». Поэтому Ильича забальзамировали и отвели нетленному телу персональную пирамиду на Красной площади. Петроград – «колыбель революции» переименовали в Ленинград.

Решение архисложной задачи построения социализма в отдельно взятой стране досталось И.В. Сталину. Он одним из первых понял, что произошел откат «революционной волны» и пора как-то устраиваться на оккупированных территориях. Россия, выжатая досуха, лежала в разорении и запустении. Экономика развалилась, промышленности не существовало, транспорт парализован, немногочисленный пролетариат почти уничтожен. Товарные отношения существовали лишь в форме натурального обмена. В сражениях Гражданской войны, от голода и болезней, по разным подсчетам, сгинуло от 8 (официальная цифра советского времени) до 15 миллионов человек, население Москвы уменьшилось вдвое.

Сумасшедшие деньги, щедро вбрасываемые в топку революционного паровоза, кончились. «Чтобы выиграть Гражданскую войну, мы ограбили Россию», – откровенно проговорился Троцкий.

Армии тоже не было. Специальная комиссия ЦК, изучив положение дел в РККА, в начале 1924 года вынесла вердикт: «Красной Армии как организованной, обученной, политически воспитанной и обеспеченной запасами силы у нас в настоящее время нет».

Приехали... В Коммуне остановка.

Для начала предстояло восстановить хоть какое-то подобие нормальной жизни, обеспечить самые простые человеческие потребности. Как это сделать, никто из пламенных революционеров не знал и подобными низменными вопросами не интересовался.

Поэтому еще в 1921 году большевики со скрежетом зубным вынуждены были протрубить «временное отступление»: объявить новую экономическую политику (НЭП), разрешить «остаточные классы» – мелкую и среднюю буржуазию, частную собственность и наемный труд; отменить продразверстку, взять курс на «смычку» города с деревней, реанимировать рынок с тем, чтобы народ, пока власть будет заниматься созданием «распределительных и снабженческих аппаратов», прокормил себя сам.

Как объяснял Сталин, глупо было бы взвалить на свои плечи «неимоверное бремя устройства на работу и обеспечения средствами жизни, искусственно созданных, миллионов новых безработных. Нэп тем, между прочим, и хорош, что он избавляет пролетарскую диктатуру от таких и подобных им трудностей».

В самой РКП(б), между тем, разворачивалась борьба за Верховное Кресло в пирамиде красных диктаторов, которую с первых дней революции любовно, под себя, отстраивал усопший Вождь. Укрепляя машину беспрекословного подчинения, он успел провести на X съезде партии, состоявшемся в марте 1921 года, резолюцию о запрете всякой фракционности и роспуске всех групп, образовавшихся на любой, кроме большевистской, платформе. Данная резолюция ознаменовала закономерный переход от «беспощадно решительных и драконовских мер для повышения самодисциплины и дисциплины рабочих и крестьян» к применению подобных мер к членам партии.

Без Ленина, естественно, необходимо было сплотиться еще сильнее. И главное, не сломать саму «машину», в этом вопросе были едины все члены Политбюро.

Троцкий представлял партию как некий коммунистический орден самураев. Сталин писал о «своего рода ордене меченосцев», спаянных единой волей и беспримечной железной дисциплиной: «Партия есть единство воли, исключаящее всякую фракционность и разбивку власти в партии». Вот только желающих стать «великим магистром» хватало. В составе «капитула» – сплошь авторитетные вожди, старая партийная гвардия:

Вождь Октября, создатель Красной Армии, председатель Реввоенсовета, нарком по военным и морским делам, нарком путей сообщения, зажигательный оратор и геройский герой товарищ Лев Давидович Троцкий-Бронштейн.

Вождь Коминтерна и Ленинградской партийной организации, деливший с Лениным спальное место в сакральном шалаше, товарищ Григорий Евсеевич Зиновьев.

Председатель Совета Народных Комиссаров СССР и РСФСР, первый после Ленина, товарищ Алексей Иванович Рыков.

Председатель Совета Труда и Оборона товарищ Лев Борисович Каменев-Розенфельд, сподвижник Ильича, хранитель его личного архива.

Вождь профсоюзов товарищ Михаил Павлович Томский, матерый подпольщик, десять лет отстрадавший за дело пролетариата в тюрьмах и ссылках (из них пять лет каторжных работ, неужто вправду всего лишь «за принадлежность к партии»?).

Любимец партии и тоже вождь товарищ Николай Иванович Бухарин. В детстве сей вундеркинд воображал себя Антихристом и допрашивал свою мать – «женщину очень неглупую, на редкость честную, трудолюбивую, не чаявшую в детях души и в высшей степени добродетельную – не блудница ли она, что, конечно, повергало ее в величайшее смущение». Путем упорного самообразования, «усиленно работая в библиотеках», Коля Балаболкин вырос в ба-а-а-льшого теоретика, например: «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью... является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

Или член ЦК, перековавшийся из анархиста в правоверного большевика, Г.Л. Пятаков, даже Ленина пугавший своими «выдающейся волей и выдающимися способностями». Георгий Леонидович придумал универсальный большевистский ключ для решения любых задач:

«Когда мысль держится за насилие, принципиально и психологически свободное, не связанное никакими законами, ограничениями, препонами – тогда область возможного действия расширяется до гигантских размеров, а область невозможного сжимается до крайних пределов, падает до нуля. Беспредельным расширением возможного, превращением того, что считается невозможным, в возможное, этим и характеризуется большевистская коммунистическая партия. В этом и есть настоящий дух большевизма. Это есть черта, глубочайше отличающая нашу партию от всех прочих, делающая ее партией «чудес».

Просто сверхчеловек какой-то! Кровавый путь «чудотворца»-беспредельщика в конце концов закончился «стенкой», но умиляет эпитафия в нынешних энциклопедиях: «Необоснованно репрессирован».

Их портретами обклеивали улицы и учреждения, фотографиями «творцов и руководителей» украшались календари, именами называли города. На карте Советского Союза появились новые географические названия – Троцк, Зиновьев, Каменев.

Кандидатура «серой посредственности», недалекого провинциала, «недоучившегося семинариста» Сталина, теоретическими изысканиями не прославившегося, командовавшего всего-то Секретариатом, как претендента на пост «великого магистра», среди «маршалов Ильича» не котирировалась.

«...Прошлая его деятельность оставалась фактически неизвестной не только народным массам, но и партии. Никто не знал, что говорил и делал Сталин до 17-го и даже до 23-24-го годов... Зиновьев относился к Сталину осторожно-покровительственно. Каменев – слегка иронически», – утверждал Лев Давидович.

«Вождем уездного масштаба» считал генсека Лев Борисович Каменев.

«Ничего, – снисходительно кивал Николай Бухарин, – нам нужны такие, а если он невежествен и малокультурен», то «мы ему поможем».

Они, пробившие Сталина на пост Генерального секретаря и яростно противодействовавшие ленинской рекомендации подобрать более терпимого товарища, собирались использовать его, «фигуру второго или третьего плана», в качестве союзника в борьбе с несомненным «принцем» Троцким.

А Коба – истинный конспиратор, подпольщик-практик – разводил этих пламенных трибунов, как мальчишек. Он уже сосредоточил в своих руках необъятную власть, а они этого не поняли и предостережениям не вняли. Он переставлял кадры, те самые, которые, как известно, решают все, а они витийствовали на заседаниях и красовались в президиумах, рассчитывая, что «шашлычник» выполнит черную работу для них. Они верили в силу великих идей и своего раздутого авторитета. Сталин же понял силу бюрократического аппарата, позволявшего законно, демократично, путем хорошо подготовленного голосования (этой методикой виртуозно владел Ленин, а Иосиф Виссарионович умел учиться) принимать нужные решения, превращавшиеся в силу партийной дисциплины в нерушимый закон. Когда вожди «планетарного масштаба» осознали свою ошибку, оказалось поздно.

Но сначала «правящая тройка» – Зиновьев, Каменев, Сталин – в полном согласии делала одно общее дело: вышибала из седла Льва Троцкого. Ничего личного, исключительно ради единства партии. Способ избрали самый простой. Все теоретические воззрения, идеи, высказывания «демона революции» объявили «троцкизмом», все, что бы он ни предлагал, – антипартийной крамолой, всех его сторонников – «троцкистами». Само собой, троцкизм находился в «непримиримом противоречии» с ленинизмом, являлся «уклоном в сторону».

Правда, если внимательно перечитать «три особенности троцкизма», то самая главная ересь Троцкого – претензии на первенство, «недоверие к лидерам большевизма, попытка к их развенчанию», в остальном никакой разницы.

В организованной против него кампании Троцкий проигрывал по очкам. Идеологу перманентной революции была скучна аппаратная возня. Неинтересно ему было что-то там строить в отдельно взятой стране, хотелось великих свершений, грандиозных трагических ролей на исторической сцене. Он жил прошлым. Его идейные соратники точно так же были не приспособлены к мирной жизни, испытывали отвращение к каждодневной систематической работе. Один из таких жаловался на жизнь: «.. вместо того, чтобы готовить тайную революционную борьбу, я оказался занят подготовкой консульской карьеры... Вместо того, чтобы быть агитатором или организатором восстания, я буду чиновником».

Вот в чем трагедия фанатиков «мирового пожара». А ведь совсем недавно они знавали другие, славные времена. К примеру, в 1919 году собирался на войну за счастье германского пролетариата большевистский эмиссар Я.С. Рейх: «Инструкции Ленина были кратки: «Возьмите побольше денег, присылайте отчеты и, если можно, газеты, а вообще делайте, что покажет обстановка». Затем ленинский банкир Ганецкий «выдал 1 миллион рублей в валюте – немецкой и шведской и повел меня в кладовую секретной партийной кассы... Повсюду лежали золото и драгоценности: драгоценные камни, вынутые из оправы, лежали кучками на полках, кто-то явно пытался сортировать и бросил. Ганецкий обвел фонарем вокруг и, улыбаясь, говорит «выбирайте!»... Наложил полный чемодан камнями, – золото не брал: громоздко. Никакой расписки на камни у меня не спрашивали, – на валюту, конечно, расписку я выдал» (впрочем, и выдаваемую под расписки валюту «товарищ Томас» воровал миллионами).

Ныне, вместо того чтобы заниматься подрывной деятельностью, вести массы за собой, глаголом жечь сердца людей, свергать угнетателей, рушить троны, экспроприировать чужую собственность, не думая о хлебе насущном, когорте романтиков революции предлагалось буднично ходить на службу и отрабатывать жалованье. Неудивительно, что возврат к нормальной жизнедеятельности, заботы об интересах одного лишь СССР, когда кругом по-прежнему правят буржуи, представлялся им реакцией, термидором (человеком подобного склада был Эрнесто Че Гевара, заскучавший на освобожденной от диктатуры Батисты Кубе, бросивший все свои министерские портфели и сложивший голову в борьбе с империализмом в джунглях Боливии).

Кроме того, «во всякой политической борьбе большого масштаба можно, в конце концов, открыть вопрос о бифштексе. Перспективе «перманентной революции» бюрократия противопоставляла перспективу личного благополучия». Так за это же и боролись, за лучшую жизнь. Для этого и брали власть. Революция победила, пришла пора делить материальные блага.

Степень доступа к ним зависела от занимаемой должности, места в партийной иерархии, успешности карьеры. При этом власть на местах от чрезвычайных органов военного времени переходила в руки первых партсекретарей. А их назначением ведал товарищ Сталин. Он стал их вождем, кропотливо, с помощью ближайших сотрудников

В.М. Молотова и Л.М. Кагановича, выстраивая свою пирамиду власти, тщательно подбирая и расставляя лично преданных ему людей, не претендующих на политическое лидерство. Функционеров. Номенклатуру. Им, как и основной массе большевиков, было глубоко плевать на угнетенных всех без исключения стран.

Преданных Сталину людей оказалось немало. «Но это была преданность особого рода, – обличал Троцкий. – Не преданность учеников к учителю, который обогатил их мысли, а преданность людей, которых вождь вывел из ничтожества и которым он помогает обеспечить привилегированное положение».

То ли взаправду Лева был такой наивный, то ли прикидывался. К троцкистам прикнули те, кому не хватило бифштекса: обиженные «герои» Гражданской войны, оттесненные от штурвала комиссары волостных совнаркомов, председатели бутафорских республик, рев-

комов, чрезвычайек, прочие «красные диктаторы», вкусившие «рады» под хруст «ломаемых жизнью и костей». Обиженные борцы, в награду за «свою беззаветную преданность» получившие дырку от бублика, требовали продолжения революции, обвиняя партийную верхушку в перерождении.

Троцкий пытался выступить под флагом борца за внутрипартийную демократию, против запрета на фракционную борьбу мнений. Он утверждал, что фракционность неизбежно связана с жизнью и развитием партии. Его били резолюцией X съезда, обвинениями в бонапартизме, решениями пленумов, где решающие голоса принадлежали расставленным Сталиным и Молотовым кадрам. Да и сам «железный нарком» в ризах демократа выглядел неестественно. Он прекрасно понимал и сам это проповедовал: Марксов социализм есть тоталитарная система, партийная бюрократия является ее главной опорой, а мифическая «пролетарская диктатура» – лозунгом, позволяющим оправдать любезные сердцу марксистов неестественные никакими законами насилие и террор.

Ленин писал: «Без «аппарата» мы бы давно погибли. Без систематической и упорной борьбы за улучшение аппарата мы погибнем до создания базы социализма». Сталин в статье «О дискуссии» вполне резонно указал, что все вопли оппозиции о демократии есть лишь стремление развратившихся и отодвинутых от кормушки партийных вельмож вернуть былое влияние:

«В рядах оппозиции имеются такие, как Белобородов, «демократизм» которого до сих пор остался в памяти у ростовских рабочих; Розенгольц, от «демократизма» которого не поздоровилось нашим водникам и железнодорожникам; Пятаков, от «демократизма» которого не кричал, а выл весь Донбасс; Альский, «демократизм» которого всем известен; Бык, от «демократизма» которого до сих пор воет Хорезм. Думает ли Сапронов, что если нынешних «партийных педантов» сменят поименованные выше «уважаемые товарищи», демократия внутри партии восторжествует? Да будет мне позволено несколько усомниться в этом».

Сталин занял выгодную позицию: он – за коллегиальное руководство, он – борец с «культом личности». Он спрашивает с трибуны: «Существует ли ЦК, единогласные решения которого уважаются членами этого ЦК, или существует лишь сверхчеловек, стоящий над ЦК, сверхчеловек, которому законы не писаны?» Он требует подчинить личные амбиции общим интересам: «Троцкий не понял, что у партии выросло чувство силы и достоинства, что партия чувствует себя хозяином и она требует от нас, чтобы мы умели склонить голову перед ней, когда этого требует обстановка».

Особое значение в этой схватке имела борьба за Вооруженные Силы, где у Троцкого был огромный авторитет. Большинство ключевых постов в центральных военных учреждениях занимали выдвинутые им в ходе Гражданской войны, преданные ему люди. Во всех казармах, красноармейских клубах, красных уголках были развешены транспаранты и плакаты, где Троцкий именовался вождем и руководителем Красной Армии, на собраниях военнотружущих он избирался в почетный президиум, зачислялся в списки части почетным красноармейцем и краснофлотцем, в его адрес направлялись принятые резолюции и тосты, его биография и военные победы изучались на политических занятиях.

Руководство Реввоенсовета Республики целиком было троцкистским и не скрывало, что армия имеет собственное мнение по поводу внутрипартийных разборок. Так, начальник Политуправления РВСР Антонов-Овсеенко, герой Октября, руководивший штурмом Зимнего и арестом Временного правительства, в конце декабря 1923 года от имени «работавших в армии товарищей» прислал в Президиум ЦКК и Политбюро ЦК угрожающего содержания письмо, в котором предупреждал, что военные могут «обрести голос и призвать к порядку «зарвавшихся вождей»:

«Среди военных коммунистов уже ходят разговоры, что нужно поддержать всем, как один, т. Троцкого... Партию и всю страну, вместо серьезного разбора серьезных вопросов,

кормят личными нападками, заподозрениями, желчной клеветой, и это возводят в систему, как будто в сем и состоит широко возвещенный новый курс... Знаю, что этот мой предостерегающий голос на тех, кто застыл в сознании своей непогрешимости историей отобранных вождей, не произведет ни малейшего впечатления. Но знайте – этот голос симптоматичен. Он выражает возмущение тех, кто всей своей жизнью доказал свою беззаветную преданность партии в целом, интересам коммунистической революции».

Ответные меры последовали незамедлительно. Срочно созванный 12 января 1924 года партийный Пленум признал «особенно опасной эту работу оппозиции в Красной Армии, так как эта работа создает враждебное настроение у части военных коммунистов против руководящего органа партии – ЦК». Последовавшая за этим XIII Всесоюзная партконференция потребовала усилить партийную работу в армии, а «за попытки вести фракционную работу в рядах Красной Армии... карать особенно сурово». Впавший в истерику Зиновьев требовал немедленного ареста Троцкого. Однако подобные действия были чреваты опасными последствиями, да и Лев не делал резких движений, уложенный в постель «криптогенной лихорадкой».

Февральский Пленум ЦК отметил «наличие в армии серьезных недочетов, угрожающих армии развалом» и поставил задачу оздоровить и укрепить Вооруженные Силы. Уже 2 марта Антонов-Овсеенко, как фракционер, подрывающий авторитет Центрального Комитета в армии, был снят, а его место занял заведующий Агитпропом (отделом агитации и пропаганды) А.С. Бубнов (из старой гвардии, по профессии, нетрудно догадаться, литератор; перечень заслуг в борьбе с царизмом включает 13 арестов и 4 года отсидок; после революции устанавливал Советскую власть на Украине, орден Красного Знамени получил «за личную храбрость и мобилизацию бойцов на очищение Кронштадта от контрреволюционных банд»).

Андрей Сергеевич был известен тем, что неоднократно участвовал в различных оппозиционных группировках и фракциях, за что в свое время из кандидатов в члены ЦК РПК был удален комиссарить в Северо-Кавказский военный округ. Но мало кто знал, что Бубнов (не сталинист, а скорее бухаринец) был яростным противником Троцкого, вот почему в мае 1922 года Сталин перетянул «изжившего свои ошибочные взгляды» Бубешку из Ростова в Москву и дал шанс, обеспечив ответственным постом.

11 марта 1924 года отправили в отставку бессменного заместителя наркома и заместителя председателя Реввоенсовета, несостоявшегося медика Эфраима Склянского (1892–1925). Его обвинили в том, что он и возглавляемая им центральная группа РВСР со своими обязанностями не справляются и систематической военной работой не занимаются. Поводом послужил доклад комиссии С.И. Гусева об итогах проверки РККА, пришедшей к выводу, что армия небоеспособна.

На освободившиеся должности назначили М.В. Фрунзе – креатуру Зиновьева. Вскоре Михаил Васильевич совместил еще два ответственных поста – начальника штаба РККА и начальника Военной академии РККА. Был образован новый состав Реввоенсовета. Председателем пока оставался Троцкий, но совет оказался значительно «оздоровлен» его оппонентами: С.М. Буденным, К.Е. Ворошиловым, Г.К. Орджоникидзе, С.С. Каменевым, М.М. Лашевичем, М.Н. Тухачевским.

В апреле чекист И.С. Уншлихт возглавил Управление начальника снабжений РККА. В мае убежденного троцкиста Н.И. Муралова на посту командующего войсками Московского военного округа сменил Ворошилов. Комиссия под председательством Бубнова провела чистку преподавательского состава академий и вышвырнула в отставку 199 «чуждых Советской власти или не имеющих достаточного профессионального уровня элементов».

На IX Всекрымской областной партийной конференции новый начальник ПУРа продемонстрировал, что твердо вернулся «на ленинские позиции» и доверие оправдывает. Критикуя компромиссное решение крымских коммунистов, посчитавших антитроцкистскую кампанию внутренними московскими делами, Бубнов заявил: «Вы оправдали этим оппозицию и обви-

нили руководящих товарищей, то есть основную группу ЦК партии... Троцкизм надо бить беспощадно и прямо».

Одновременно правящая тройка урезала финансирование военных расходов. Армия буквально нищенствовала. Реввоенсовет сообщал, что «ассигнования, произведенные на армию на февраль и на март, ставят армию в совершенно тяжкое положение, еще более ухудшающее ее нынешнее положение». В ответ правительство выражало намерение еще более сократить военный бюджет даже «за счет значительного сокращения боеспособности Красной Армии в течение летнего периода».

В августе Реввоенсовет принял специальное постановление, в котором говорилось, что сокращение сметы до 380 млн рублей неизбежно приведет к сокращению численности армии, а «армия такой численности, т. е. ампутированная на 1/3, ни в коем случае не может отвечать задачам обороны, имея в виду реальные силы возможных врагов». Правительство отвечало, что «дело не в порядке выдачи ассигновок и не в недостатке кредитов, а в организационной стороне дела, в дефектах организационного характера». Мол, не умеете вести хозяйство. Пришлось 610-тысячные вооруженные силы сократить еще на 50 тысяч человек.

Притом что введение НЭПа позволило в значительной степени восстановить экономический потенциал страны, и 1924 год оказался в этом смысле весьма удачным. То есть развал армии в условиях растущей экономики диктовался исключительно логикой внутрипартийной борьбы. Сразу после устранения Троцкого деньги на армию нашлись.

Работа по вытеснению сторонников Троцкого из военного ведомства приняла массовый характер в ходе одного из основных мероприятий военной реформы – введения единоначалия. Ряд видных полководцев – Федько, Фабрициус, Лацис, Дыбенко, Якир, Вострецов... – обратились в Центральный Комитет с докладной запиской «Об итогах строительства Красной Армии к 6-й годовщине ее существования», в которой утверждали, что в войсках выросло достаточное количество преданных Советской власти командиров, способных обойтись без опеки комиссаров, превратившихся в тормоз военного строительства и занимавшихся в основном склоками и доносами. Ну, писать доносы – самая прямая комиссарская обязанность, но властные их полномочия решили слегка ограничить.

Сталин переадресовал письмо Бубнову. Тонкость в том, что буквально за год до этого именно Андрей Сергеевич принципиально возражал против приказа Реввоенсовета №-511, допускавшего отсутствие комиссара даже при беспартийном начальнике и тем самым «неоправданно сужавшего роль комиссаров в Красной Армии». Партии тогда пришлось поправить преждевременную инициативу товарища Троцкого. Однако теперь – совсем же другое дело!

Тщательно все взвесив, Бубнов предложил не форсировать введение единоначалия, а растянуть процесс во времени, не оказывать всем командирам огульное доверие, а подходить к каждому индивидуально в зависимости от уровня подготовки. Заодно переаттестовать весь командный и политический состав. А еще заодно, как выяснилось, и пересчитать, поскольку обобщенными сведениями о численности командиров, как и системой учета личного состава в армии, Штаб РККА не располагал.

В июне 1924 года была создана комиссия Оргбюро ЦК ВКП(б) по военным вопросам под председательством Бубнова. В рамках комиссии образовали специальную подкомиссию, имевшую исключительные полномочия по проверке деловых, профессиональных качеств и политических взглядов всего начальствующего состава. Члены комиссии определяли пригодность каждого командира и комиссара на роль командира-единоначальника на основании двух критериев: принадлежность к большевистской партии и умение проводить воспитательную работу среди подчиненных. Понятно, что сторонники Троцкого быть «умелыми проводниками политики партии» никак не могли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.